

Особенности антирелигиозной пропаганды в 1940-е - 1980-е годы на примере Чкаловской (Оренбургской) епархии

Статья посвящена анализу проблемы антирелигиозной пропаганды в 1940-е-1980-е гг., осуществлявшейся в Чкаловской (Оренбургской) епархии. Показаны наиболее типичные методы ее проведения, выявлено постепенное изменение ее тона и характера: от воинственно-атеистической с середины 1960 гг. до научно-атеистической.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, Чкаловская (Оренбургская) епархия, проповедь, Русская Православная Церковь, уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви.

В Чкаловской (Оренбургской) области, как и во всей стране, на протяжении 1940-х – 1980-х годов велась активная антирелигиозная пропаганда. Она рассматривалась как одна из форм борьбы за мировоззрение советского народа и преодоление религиозных пережитков, которых не должно быть у строителя социализма. На территории Оренбургской епархии антирелигиозную пропаганду, ее характер и формы контролировал уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви. Поскольку данная епархия, будучи периферийной, всегда переживала особенное давление со стороны правительственных и партийных органов, антицерковная политика в ней проводилась жестче, чем в других регионах России [1].

В 40-е годы, несмотря на оптимизацию отношений Русской Православной Церкви и государства в связи с необходимостью объединения усилий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, антирелигиозная пропаганда продолжала рассматриваться как действенное средство формирования социалистического сознания и являлась продолжением традиций воинствующего атеизма 20-30-х годов.

Следствием усиления воинственно-атеистической пропаганды митрополит Мануил (Лемешевский), управлявший Чкаловской епархией с 1945 по 1948 годы, объясняет ряд фактов противостояния государственных служб церкви, о чем и сообщает в своих письмах Патриарху от 18 и 22 августа 1948 года. Например, в 1948 году в г. Чкалове не состоялся запланированный ранее Съезд духовенства и мирян, на котором должны были рассматриваться вопросы духовной и хозяйственной церковной деятельности.

Уникальные данные, отражающие особенности антирелигиозной пропагандистской деятельности в Чкаловской епархии в 1949 году, можно узнать из годового отчета, составленного самим епархиальным управлением. Он, наряду с фактами, содержит и специально составленные сообщения о действиях священников. Так, мы читаем о том, что из особо важных событий жизни епархии

авторы, будучи представителями духовенства, называют празднование Дня Мира и дня рождения Сталина. В Информационном докладе уполномоченного П.Г. Тептярева находим подтверждение тому, что верующие надеялись на лояльность власти: «Активные церковники Шевцов, Львов, Гольшев, Бекасов и другие заявляют: «Лично товарищ Сталин внимательно относится к верующим, а местные власти – Горсовет и Облисполком тормозят открытие церкви, под различными предлогами, вода нас за нос»» [1].

В материалах фонда Уполномоченного Совета огромное внимание уделяется вопросу о «выездных священниках», которые совершали требы на домах у верующих, в районах. Служение «выездных священников» использовалось государством как форма сокращения и минимизации приходов и храмов, то есть, по сути, как форма борьбы с религией [15]. С одной стороны, правительство поощряло подобную форму служения, с другой стороны, сдерживало и запрещало. Эта неопределённость возникала из-за того, что проповедь на дому давала большой эффект и привлекала молодёжь к православию. Совсем запретить или чрезмерно усложнить подобные выезды на дом было для атеистического государства нецелесообразно, поскольку в таком случае возрастала активность верующих и они возбуждали новые ходатайства об открытии церквей в районах, что не приветствовалось в свете антирелигиозной политики.

Не случайно 25 мая 1955 года Уполномоченный Совета А. Н. Березин в письме к председателю исполнительного комитета Областного Совета А. Я. Жукову настойчиво просил не препятствовать зарегистрированным священникам выезжать из райцентров в сёла совершать требы на домах, чтобы верующие не ходатайствовали об открытии в районах новых молитвенных домов и церквей [2]. Подобные запреты вызвали появление большого количества жалоб от верующих и управляющего Чкаловской епархией епископа Михаила (Воскресенского).

Через три года в секретном информационном письме Совета по делам РПЦ от 13 августа 1958 года, за подписями председателя Совета Карпова и члена Совета Сивенкова, причиной активизации церкви называлось усиление ее проповеднической деятельности, например, беседы духовенства с верующими на дому, после отправления треб. Отмечалось, что «возросло количество треб на дому у верующих, а церковь стали посещать люди, которые раньше её не посещали» [3].

Работники Совета отмечали, что среди духовенства всё больше распространялось убеждение о том, что традиционные «проповеди в церквях и только на евангелические темы не оказывают должного влияния на население. Сейчас духовенство, как выразился священник Пушкель (село Благодатное Ставропольского края), «должно пойти в народ»» [3].

В связи с этим Уполномоченным в регионах делалось указание более внимательно относиться к деятельности духовенства, бывать на местах и вовремя предоставлять Совету и региональным органам власти необходимую информацию. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области, позволяют сделать выводы, что предоставляемая Уполномоченными информация была необходима для того, чтобы «судить о том, в каком направлении активизируется деятельность церкви и что необходимо предпринять для ослабления её влияния» [4]. В документе приводится пример, ярко описывающий положение верующих в Советской России: «В 1957 году в некоторых церквях Липецкой области готовились к поступлению в семинарию 6 человек молодёжи, но ни один

не поступил благодаря мерам, принятым через комсомольские организации, которые провели соответствующую работу и устроили всех учиться в технические училища или работать на заводы» [5]. На местах в это время составляются списки лиц, обучавшихся в духовных учебных заведениях, священников и диаконов, кандидатов в духовные семинарии.

В специально составленных статистических отчётах иногда сознательно искажаются факты, что отражается в различных приписках, где положение представляется таким образом, как это выгодно составителям документов, чаще всего Уполномоченным Совета по делам РПЦ и их помощникам. Сводные статистические справки уполномоченного Совета о религиозной обрядности в Оренбургской области, о фактах «нарушения» за 1948 – 1970 годы не дают полных сведений о совершении всех обрядов и таинств в многочисленных приходах епархии за указанные годы, уполномоченными собраны данные только о совершении крещений, венчаний и отпеваний, которые квалифицируются представителями власти как «основные обряды». В период с 1950 по 1955 годы не освещается и эта информация [9].

Проливают свет на вопрос об изменениях в антирелигиозной пропаганде, иллюстрируют архивные данные материалы прессы 1960-х гг., которые можно обобщённо назвать газетными заметками. Научно-атеистическая пропаганда, основная тема газетных статей, хлынула в это время широким информационным потоком. Часть атеистических статей написана в жанре фельетона, в котором представителям духовенства приписываются отрицательные качества: алчность, пьянство, разврат, жестокость, тушеводство, лживость, цинизм и прочие пороки. Часто статьи антирелигиозной направленности были написаны просто, без идеологических наставлений. Но в этом и заключалась уловка, расчет на массовое сознание, не обремененное системными представлениями о религии. Рассказывая о якобы непотребных делах священников (пьянство, денежные подлоги и т.д.), авторы настраивали читателей против священнослужителей, следовательно, и против Церкви. В то же время расширялась научная база атеистической пропаганды.

В Оренбурге в начале 1960-х годов начал работу университет атеистических знаний, в котором проводили лекции преподаватели педагогического, медицинского, сельскохозяйственного институтов. В лекциях активно использовался текст повести В. Тендрякова «Чудотворная» – пасквиля на веру.

Фельетоны, обличительные рассказы появляются не только в 1950 или 1960 годы, но и в 1970-1980. Типичным является мелодраматический рассказ «Жертва суеверия» И. Кильдьяйкина, опубликованный 5 апреля 1976 года в районной газете поселка Первомайского «За коммунизм» [12]. Его центральное событие – смерть девочки, чьим лечением занимался «поп», а не врач.

Оренбургский исследователь, основываясь на данных архива, приводит впечатляющие цифры – количество лекций по атеистической пропаганде: за 1958 год – 1344, за 1959 год – 5124 [14]. В числе активистов были студенты Оренбургского педагогического института, одного из самых старых вузов на Южном Урале, организовавшие клуб «Мы – атеисты»; идейным вдохновителем, руководителем клуба стал Я. В. Рабинович. Этот клуб разъезжал по области, его члены выступали перед колхозниками; первая часть программы неизменно была официальной, предполагала агитационный антирелигиозный доклад, а вторая

представляла собой концерт. Нередко религию и церковнослужителей на таких лекциях разоблачал бывший священник И. П. Бородин.

И. П. Бородин вошел в «количество священников, снявших сан» [14] – именно в это время в отчете уполномоченных появилась такая строка. Отступников оказалось сравнительно небольшое количество (настоятель одного из ленинградских храмов А. А. Осипов, священник Куйбышевско-Сызранской епархии И. Н. Гусаров и др.), и означенная личность стала одним из самых заметных среди них лицом, активным агитатором-атеистом, написавшим книгу «Перед судом совести».

В оренбургской прессе встречаются многочисленные примеры абсурдных высказываний о таинствах Крещения – таким образом создается ложное представление о сути таинства, проводится антирелигиозная пропаганда. В частности, нередко приводится статистика заболеваний, якобы спровоцированных крещением. Типичную преднамеренную пропаганду содержит статья Г. Иноземцева «Тревога: в церкви – дети». Автор пытается внушить обывателям «нужное» отношение к религии. Однако по статистике в 1962 году в Оренбургской области было крещено 11632 человека, что составило 24 % от общего числа родившихся, а в 1961 году было крещено 16320 человек – 31 % от числа родившихся детей, и только 12 августа 1962 года было крещено в Никольском соборе 42 человека [8].

Лозунги, призывы к борьбе с «религиозными пережитками», упоминания о достигнутых успехах в деле атеистической пропаганды зачастую сменяются в газетных статьях описаниями многочисленных случаев «упущений и недостатков» в атеистической работе, сохранения пережитков и даже активизации религиозной жизни населения. Из подобных заметок узнаем, что колхозники «держат дома иконы», что не вписывается в отчетность о полном искоренении «религиозных предрассудков» в процессе ускоренного строительства коммунизма, но больше всего авторов статей смущают случаи участия самих коммунистов в осуществлении религиозных обрядов. Газеты повествуют и о таких «неприглядных и позорных» фактах. «Есть ещё у нас люди, даже среди руководителей, которые недооценивают её (атеистической пропаганды – авт.) значения, занимают примиренческую позицию по отношению к тем, кто соблюдает религиозные праздники и обряды. Такие «примиренцы» встречаются и среди коммунистов. Отдельные из них считают научно-атеистическую пропаганду делом второстепенным, бывают случаи, когда они сами участвуют в отправлении церковных обрядов: в дни религиозных праздников устраивают званые обеды, посещают могилы родственников и т. п.» [8]. Таким образом, внутренняя критика с позиций самих коммунистов вскрывает «недостатки» в научно-атеистической пропаганде начала 1960-х годов. Т. А. Чумаченко пишет по этому поводу, что, несмотря на административный натиск, атеистическую пропаганду, на сокращение церквей, аресты священнослужителей, искусственное внедрение новых светских обрядов в 1958-1964 гг., религиозность в стране по-прежнему сохранялась [11].

Среди основных форм и методов антирелигиозной и атеистической пропаганды были популярны лекции, беседы, кинолектории, концерты, театральные постановки, лекции с использованием химических опытов и др. Самой важной формой антирелигиозной работы была индивидуальная работа с верующими – личные беседы и т. п. [8]. Чиновники пытались найти светские «эквиваленты»

церковным праздникам: престольный праздник храма заменялся Днем села, улицы, города, праздник Троицы – праздником русской березки и т.п.

После снятия с ответственных постов Н. С. Хрущева в октябре 1964 года положение церкви изменилось. Хотя атеистическая политика государства не прекратилась (за срок брежневского правления в Оренбургской области не было открыто ни одного храма), а власти избрали новые, нерадикальные методы борьбы с религией, явственная антирелигиозная война закончилась. В 1968 году заведующий юридическим отделом Совета по делам религий при Совете Министров Г. Гольст в «Обзоре о нарушениях законодательства о культах, выявленных при рассмотрении и разрешении заявлений и жалоб граждан» [10] отмечает факт грубого нарушения закона в отношении верующих граждан и указывает Оренбургскую область в числе регионов, откуда поступило «наибольшее число жалоб» [10]. С середины 1960 гг. характер антирелигиозной пропаганды изменился: воинственно-атеистическая была заменена на научно-атеистическую.

В газетах 1970-1980 гг. часто пишется о том, как школьники или студенты «делают чудеса без чудес» – опыты превращения воды в молоко, вино и пр. (например, статья «Чудеса без чудес» в газете «Ленинская искра» пос. Новосергиевка Оренбургской области от 10 апреля 1976 года). Статья под названием «Вредный пережиток» (в заметке рассказывается о случае религиозного фанатизма) кандидата философских наук С. Андреева была напечатана в 1976 году в ряде районных газет: «Ленинское знамя» Адамовского района, «Призыв» Грачевского района, «Ленинец» Новосергиевского района [6].

В газетах публикуются и заметки медицинских работников, стремящихся убедить общественность в том, что православные таинства небезопасны для здоровья, а храмы не «отвечают санитарно-гигиеническим требованиям». Так, в статье «Вред религиозных обычаев» Новосергиевской газеты «Ленинская искра» от 24 июня 1976 года автор-врач противопоставляет «храмы и церкви, в которых совершаются обряды» и которые «являются наилучшим местом врачевания ... как психических, так и телесных болезней» в сознании «духовенства всех времен», «реальному» положению вещей: «в действительности церковные помещения темные, плохо отапливаемые и редко проветриваемые» [7].

В это время по области проводятся семинары, лекции, выставки, их названия типичны: «Атеистическое воспитание и пропаганда – составная часть работы КПСС», «Узнай о мире и человеке», «Разум сильнее звона церковного», «Правда о святынях». Антирелигиозно настроенная общественность признает, что действие церкви на умы все еще сильно и что проповедь в храме имеет особую силу, являясь при этом «ловко завуалированным методом пропаганды религиозно-идеологического мировоззрения» (Е. Степанов «Ухищрения проповедников», газета «Призыв» Грачевского района от 28 декабря 1976 года) [8].

Таким образом, если в конце 1940-х годов антирелигиозная пропаганда в Чкаловской (Оренбургской) епархии в большей степени строилась на системе запретов, то на рубеже 1950-60-х годов она приобретает и иные формы: стали появляться атеистические кружки, вестись лекции, происходили акты публичного отречения от священнического сана и т.п. В 1970- первой половине 1980-х гг. по-прежнему ведется антирелигиозная пропаганда: на тему вреда религии пишутся газетные статьи, фельетоны, составляются лекции, оформляются стенды. Эта работа активно проводится в образовательных учреждениях: в

школе, в вузе – и на производстве. Однако теперь эта пропаганда носит научно-атеистический характер.

Литература

1. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 43. Информации уполномоченного Совета о деятельности православных церквей. Л. 1.
2. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 105. Л. 38.
3. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 113. Л. 29.
4. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 113. Л. 31.
5. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 113. Л. 32.
6. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 350. Л. 17, 24.
7. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 350. Л. 68.
8. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 83. Л. 1, 2, 3.
9. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 83. Л. 1, 24.
10. ГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 20. Л. 25.
11. ГАСО. Ф.Р-4187. Оп. 2. Д. 51.
12. ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 350. Л. 50.
13. Чумаченко, Т. А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958-1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 19(348). – С. 88.
14. Шубкин, В. М. Оренбургская епархия в период хрущевских гонений (1958–1964) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2013. – Вып. 2(51). – С. 69-86.
15. Щербаков, Д. А. Факты духовной истории Оренбургского края 50-х – 60-х годов XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2017. – Вып. 1(7). – С. 352 – 361.

Peter Panov, priest

Features of anti-religious propaganda in 1940-1980 on the example of the Chkalovsky (Orenburg) diocese

The article is devoted to the analysis of the problem of anti-religious propaganda in 1940-1980, which was carried out in the Chkalovsky (Orenburg) diocese. The most typical methods of its implementation are shown, and a gradual change in its tone and character is revealed: from militant-atheistic since the mid-1960s to scientific-atheistic.

Key words: Russian Russian Orthodox Church: anti-religious propaganda, Chkalovsky (Orenburg) diocese, sermon, Russian Orthodox Church, Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church.

References

1. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617, Op. 1. D. 43. Informacii upolnomochennogo Soveta o deyatel'nosti pravoslavnyh cerkvej [Information from the authorized Council on the activities of Orthodox churches]. L. 1.
2. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617. Op. 1. D. 105. L. 38.
3. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617. Op. 1. D. 113. L. 29.
4. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617. Op. 1. D. 113. L. 31.
5. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617. Op. 1. D. 113. L. 32.
6. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617. Op. 1. D. 350. L. 17, 24.
7. The state archive of the Orenburg region (GAO).. F. 617. Op. 1. D. 350. L. 68.
8. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617. Op. 1. D. 83. L. 1, 2, 3.
9. The state archive of the Orenburg region (GAO). F. 617. Op. 1. D. 83. L. 1, 24.

10. The state archive of the Sverdlovsk region (GAS). F. 3219. Op. 1. D. 20. L. 25.
11. The state archive of the Sverdlovsk region (GAS). F. R-4187. Op. 2. D. 51.
12. The state archive of the Sverdlovsk region (GAS). F. 617. Op. 1. D. 350. L. 50.
13. Chumachenko T. A. Gosudarstvo i Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v 1958-1964 godah: novaya politicheskaya vojna s religiej, cerkov'yu i veruyushchimi [The State and the Russian Orthodox Church in 1958-1964: a new political war with religion, the Church, and believers] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk state University. Series: Law]. 2014. No. 19 (348). – p. 88.
14. Shubkin V. M. Orenburgskaya eparhiya v period hrushchevskih gonenij [Orenburg diocese during the Khrushchev persecution] (1958-1964) // Vestnik [Bulletin] of PSTGU. Series II: History. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [History Of The Russian Orthodox Church]. 2013. Vol. 2 (51).— Pp. 69-86.
15. Shcherbakov D. A. Fakty duhovnoj istorii Orenburgskogo kraja 50-h – 60-h godov XX veka [Facts of the spiritual history of the Orenburg region of the 50s-60s of the XX century] // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Orenburg theological Seminary]. 2017. Vol. 1 (7). – pp. 352 – 361.